

Studia Culturae: Вып. 3 (29): Conventus: Е. М. Щепановская. С. 192-200

Е.М. ЩЕПАНОВСКАЯ

канд. филос.наук,

член Союза писателей, Санкт-Петербург

АРХЕТИП ГОРОДА (ЗАПАДНАЯ И ВОСТОЧНАЯ МОДЕЛЬ)

Архетип города – образ организации мироздания – представляется через две модели. Это город-храм (воплощающий подобие земного небесному, фокусирующий духовную энергию) и город-крепость (отгороженный от внешних сил и подчиняющий их себе). Образ города-храма, всеобщий для древних, доньше сохраняет восточная модель восприятия (вплоть до формы религиозного государства), но он оказывается утрачен для западной, больше развивающей архетип города-замка. Как показано в статье, в истории происходит периодический возврат к универсальному архетипу города-храма, как центру духовного возрождения.

Ключевые слова: архетип города, урбанизация, городская цивилизация, город-храм, город-крепость, восточная модель, глобализация

Е.М. SHCHEPANOVSKAYA

PhD in Philosophy,

member of the Union of writers.

Saint-Petersburg

ARCHETYPE OF CITY (WESTERN AND EASTERN MODEL)

The Archetype of the City represents the organization of the Universe, manifesting itself through two different model. This is the city as a temple (embedding analogy of Earth and Heaven and focusing spiritual energy) and a city-fortress (enclosed within itself, divided from Nature and suppresses it). The eastern model still keeps the image of city-temple, universal for ancient people, but it is losing the western model, while developing the archetype of city-fortress. The article shows the periodical return to the archetype of city-temple, which is actual nowadays.

Keywords: archetype of the city, city-temple, city-fortress, eastern model, urbanization, globalization

В мифологическом представлении древних цивилизаций город являлся аналогом модели мира [5, С.127]. Это микрокосм, отражающий мир небесный в земном воплощении. «Город – связь неба и земли, и мы живём в нём», – начертано в шумерской таблице [3, С.61]. Эта связь проступает в самом слове «город», которое в некоторых языках сохранило эту идею. Например, многие индийские города имеют в названиях окончание – *нагар* (Шринагар и др.), на дравидских языках оно значит одновременно и *город* и *храм*. То же явление в другой части Востока – в Индокитае,

кхмерское окончание – *vat*, повсеместно здесь встречающееся (в частности, в Тайланде) означает также храм и город. Наиболее известный буддийский храм в Малайзии в своем названии имеет первое слово *Ченг*, что по-китайски значит «*город*». Образ города, предстающего как духовная вершина связи Бога и человека, отражена в названии Вавилона («*врата Бога*») и его территориального наследника – Багдада («*дар Бога*»). А также в имени Харидвара («*двери к Богу*») – месте активного возрождения индуизма, известного праздниками омовения в Ганге, воды которой символически превращаются в напиток бессмертия.

Город – это организация пространства и мысли, это определенная идеология. Города, и в особенности столицы, строились в виде прямоугольника/квадрата с крестообразно пересекающимися главными улицами или круга с крестом посередине, что символизировало небосвод и охват 4-х направлений. Квадратны Вавилон, столица ацтеков Теночтитлан и города средневекового Китая; окружностями были Багдад и утопический «город Солнца» Кампанеллы. У этрусков при закладке города жрец исполнял ритуал, намечая по земле крест, ориентированный по сторонам света. Согласно Полибию, в походе римское войско организовывало лагерь аналогично своему городу: столь нерушим был этот порядок, считавшийся установлением Юпитера [2, С.116–117]. В древнеегипетском и древнекитайском иероглифах «город» можно увидеть крест, как символ средоточия и связи 4-х сторон света, соединившихся в точке центра, связующей Небо и Землю (как это делает М. Элиаде). И китайская модель города основана на принципе отражения мироздания в материальном воплощении (позже эта форма гармонии человеческого строительства с природно-божественным окружением воплотилась в системе фэн-шуй).

Примеры понятия города, как храма, связующего человека и Вселенную, мы больше находим на Востоке, чем на Западе. Хотя и здесь идея «вечного» города и второго христианского Иерусалима (=Рима) была перенесена с Востока, но так и не смогла стать ведущей. Рим не был духовным центром в античности, не стал им и позже, даже при пребывании там папской канцелярии. Римский Ватикан ныне – храм-город в городе – внешне обозначает архетипическую потребность в образе города-храма, но скорее формально, для широкого мира будучи прежде всего музеем и административным центром католичества.

Сама легенда об основании этого города-прародителя западной цивилизации уже отражает другой принцип города, как центра власти и военного штаба территориальной экспансии. Ромул убил брата Рема из-за межевого спора, и эта архетипическая черта борьбы за границы дозволенного цивилизацией (то есть столкновение «права» и естества игры природы). Латинское слово *город* = *урбис* (от *урво* – проводить между) и другие индо-европейские названия города идут от понятия укрепления,

возвышенного, неприступного места (*-бург* от *-берг* (=берег) – *гора*), наше «город» от «огораживать», (как и германское «гартен = огород»), та же идея отгородиться от враждебного внешнего мира. Эта индоевропейская идея уже на востоке, в Иране отразилась даже в таком возвышенном понятии как «*парадиз*», то есть райский сад, который буквально значит – «огороженное место». Практически это объясняется необходимостью защиты от внешних угроз, но в дальнейшем эта идея борьбы закрепляется как основная и достигает зенита в средневековье, когда вся Европа покрывается массой неприступных городов-замков (и поддерживается собственнической идеологией бюргерства, позже развившейся в мировоззрение буржуазного общества).

В период расцвета античности существовала ещё одна модель – городов-государств Греции, более открытых внешнему взаимодействию за счет обмена и торговли. Но и здесь идея борьбы греческих полисов породила просто более тонкую модель борьбы (иногда чисто экономическую) – «*политику*» (от греч. «*полис=город*», что в свою очередь ведёт этимологию от значения «*полный, богатый*»). Этот же корень есть в индоарийских названиях северных и западных индийских городов с окончанием – *пур* (*Джайпур, Джохпур* и др.). Неслучайно именно в Раджастане (запад Индии) – наибольшее число городов с фортификационными сооружениями, здесь была территория постоянной борьбы, во многом исходящей от воинственного ислама. Но даже дух ислама, утратив боевой пыл, растворился в стремлении к божественному идеалу и воплотился в общемировом символе любви – Тадж-Махале (храмовом комплексе посреди сада, построенном по модели рая). Здесь вновь видна «восточная», а на самом деле издревле общечеловеческая, модель организации пространства по типу храма, которая не противостоит внешнему миру, а является его притягательным духовным центром, и его защитой является его духовный авторитет. Средоточие высоких ценностей, воплощающих представления о духовном идеале в храме или священном объекте (Кааба в Мекке) являются основополагающим элементом в восточном понятии города, как микрокосма.

В западном же представлении город – символ цивилизации, прежде всего технической и экспансистски культурной, задающей стандарты существования окружающей провинции (и к сожалению, сегодня стягивающей в себя весь её потенциал и не дающей ей полноценно развиваться). Западный город противостоял внешней «дикости» природы, оборонялся от нее и в конце победил её до такой степени, чтобы уже вынужденно заняться экологией природы и искусственным сохранением национальных культур – осознавая богатство их внутреннего потенциала, как базу той культуры, которая в конечном итоге поддерживает и само существование технократической цивилизации. Это следствие идеи горо-

да, как противопоставленного природе, – в отличие от более древней восточной модели города, где почти миллионные города были уже тогда, когда еще в западной Европе города напоминали поселки, поэтому у них больший опыт сосуществования города и окружающего мира.

Ныне, когда Западный мир борется за сохранение экологии, при этом все более «асфальтируя» природу, мир, например, индийских миллионных городов (исключая четыре главных мегаполиса: Дели, Мумбай, Мадрас и Калькутту) остается экологически более здоровым. В этом городе сосуществуют и животные, и люди, имея постоянный живой контакт. Формальное «право» здесь уступает живому взаимодействию, верному «по сути», здесь возможны разные модели жизни людей, в отличие от западного города, который выбрасывает за борт не конкурентных и не вписывающихся в жесткий экономический порядок западной цивилизации.

Западная экология, основываясь на «праве», все более регламентирует отношения человека и природы. Ни в Германии, ни даже в пустынных фьёрдах Норвегии нельзя разбить палатку в не отведенном месте, природа здесь охраняется, как недоступная роскошь. В заселенных территориях она охраняется частным правом владения, в остальных государственных ограничениями, все это отрывает человека от непосредственного общения с живой природой. Городская цивилизация системы завладения оккупировала практически весь «не город». В отличие от этого, миллиардная Индия существует в открытой модели взаимодействия природы и человека, и не больна вопросом сохранения природы как вне, так и внутри города.

Хотя противопоставление Востока и Запада отчасти условно, и на Западе есть позитивные исключения – например, Финляндия, где природа так умело вписывается в ландшафт города (ущелье в Иматре, парки Котки), что в нем чувствуешь себя как за городом. И здесь, конечно, дело не только в природе, но и в усилиях экологически сознательных людей и властей городов. Индия же, сохраняя естественную экологию, выглядит для европейцев грязно, поскольку, в отличие от естественно утилитаризирующихся отходов (корова съедает брошенную на землю использованную тарелку из листьев), не привыкла сознательно убирать искусственный (например, полиэтиленовый) мусор, сегодня заносимый в эту страну глобализацией.

Эта тема двух систем городской цивилизации стала актуальной и для России. Выбрав в последние годы модель западной цивилизации – за короткое время схватив её поверхностный пласт и не усвоив те её внутренние достоинства, которые она вырабатывала в течение веков, такие, как умение созидать природный порядок своими руками, – мы все больше отрываемся от свободного взаимодействия с природой, которая поступательно (или, точнее «наступательно») приватизируется, как в городе, так

и вне его. Остается все меньше ниш выживания людей вне системы экономической конкуренции, личная территория большинства населения все более сжимается в противовес гипертрофированно расширяющейся территории административной верхушки. Возникают города-монстры, как новая Москвы. Все эти цивилизаторские проекты не учитывают глубинную общечеловеческую идею города-храма, когда город становится духовным центром, а не только техническим средоточием энергии, хотя такой проект был бы более жизнеспособен и не принес больше бед в будущем, чем пользы на короткий период (пример – умирающие моногорода).

Вернемся к тому, что город как храм (или райский сад) – общечеловеческий архетип, и он периодически воскрешается в культуре (можно вспомнить Волохонского и Хвостенко: «Под небом голубым есть город-золотой...» или даже Маяковского про освоение целины: «Через четыре года здесь будет город-сад...»). Само понятие истории, развернутой в линию, связано с идеей Августина об оппозиции Града Божьего Граду земному, под которым понимается цивилизация в целом, – и эти образы, у Августина предельно разнесенные, также проецируются на архетипические образы города-храма, открытого перспективе бесконечности и формирующего её, – и замкнутого города-крепости, не имеющего такой перспективы в себе самом.

В истории всегда существовала тяга воссоздавать модели города-храма. Например, поскольку Рим как город не являл собой духовный центр, и цивилизация, возникшая в результате Каролингского возрождения, также не создала его как самобытного центра, сориентировавшись на христианский восток, возник «второй Рим» – Константинополь. По первоначальной идее он создавался как христианский возрожденный город-храм и центр духовного притяжения. Но, не удержавшись на этой планке, он стал гнездом интриг и хитрости политики, поэтому его авторитет не устоял перед крестоносцами, разграбившими его и двинувшиеся далее на восток, к заветному Иерусалиму. Придя же туда, они по западной модели начали возводить замки, отгораживаясь от окружающего мира и тем утрачивая идею объединяющего духовного центра и авторитета в окружающем пространстве. То же повторилось и других местах Европы, где основывались ордена (хотя, конечно, нельзя отрицать их идеалы деятельного христианского сострадания и распространения образования в монастырях после крестовых походов).

Наша идея Москвы, как «Третьего Рима» также отражала этот архетипический сюжет возрождения города-храма, как центра духовного притяжения. Но и здесь властное восторжествовало над духовным и вылилось в имперскую великодержавность (или в лучшем случае национальную консолидацию), а духовные центры уединялись на окраины

(Сергиев посад) и на дальний Север (Соловки). В европейской культуре тенденция к воспроизведению архетипа города как идеала жизни после краха крестовых походов отразили социальные утопии. Это идеи Томаса Мора, Кампанеллы с его «Городом Солнца», или «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона – последняя полностью подчинена интересам интеллектуальной деятельности и воплощает идеал государства учёных. Характерно, что и она сохраняет западные черты города-замка: это остров, замкнутый от остального мира, который не выпускает за свои пределы даже случайно попавших туда иностранцев (правда, им созданы такие условия, что они с радостью навсегда остаются в нем), и лишь инкогнито отдельные горожане плавают за информацией в другие страны [1].

Можно заметить, что современные писатели уже создают образ не утопии, но анти-утопии (например, «Замок» Кафки или «1984 год» Дж.Оруэлла, самое ужасное в которых – доведенная до предела самозамкнутость города-крепости. Он превращается в храм наоборот – социальная антиутопия вместо рая рисует ад). Замок, как и город-храм, служит символом общества – и давая ему негативную характеристику, антиутопия отражает стремление вырваться за рамки существующей цивилизации – что в принципе невозможно. И литературные произведения здесь только обозначают проблему, но не предлагает её позитивного решения.

Стремление наделить образ города духовным притяжением имело ещё одно решение – городам сознательно приписывалась идея через имя (например, в советские времена Целиноград, символизирующий освоение целины, пример из других стран – Исламабад) – и часто через имя деятеля, воплощающего эту идею (Ленинград, Сталинград). Последняя тенденция именования городов идёт с древности (Рим назван именем мифологического прародителя, а Константинополь – воплотителя идеи христианства). Такой подход различается по большей или меньшей степени мифологизированности исторических персонажей, и история показывает, что мифологизация эта недолговечна – даже если город сохраняет имя, идея, связанная с ним, забывается (так, произнося имя Ленинград в послевоенные годы, горожане уже не ассоциировали его с образом Ленина, а иногородцы ассоциировали с устойчивым сочетанием «блокада Ленинграда», который несло более сильное духовное наполнение).

Стремление воплотить духовную вертикаль отражается и в архитектуре. Пример – московские высоты советских лет: архитектурные центры, заменившие храмы. Можно добавить, что многие древние города (Вавилон) возникали как торговые центры на перекрестке цивилизаций (при этом духовный авторитет Вавилона оставался доминирующим). Сегодня такую роль исполняют мегаполисы, и она, к сожалению, нередко выступает как их главная роль в ущерб культуре. Лакуна же идеи города как ду-

ховного центра не сохраняется, пример чего – города Северной и Южной Америки. (Хотя идея Нью-Йорка как «нового Вавилона», символом которого была статуя Свободы, была популярна, но и она поблекла: главенство бизнеса, проявляющего инстинкт свободы без духовности, лишило высокого смысла эту идею). Европейские города сегодня – более музейные и часто активно культурные, чем духовные центры. Тот уровень шедевров культуры, которые во многих из них сохранился, превосходит уровень их современной культурной жизни – ведь, чтобы создавать надвременные творения, культура должна опираться на высокие ценности.

В целом, в нынешнем урбанизированном мире западно-ориентированной глобализации, с тенденцией к унификации национально-культурных наследий, архетип города как храма, заложенный мифологическим сознанием человечества, не находит адекватного воплощения. Восточные модели ставят это на вид, неслучайно выступая порой откровенным противовесом этому (вплоть до формы религиозного государства). Современный горожанин критически относится к жизни города, хоть и не может существовать без него. Он не покидает его из-за прагматически деловой жизни, напряженный ритм которой снижает значение жизни культурной. Поэтому проблема духовной вертикали города-храма остается актуальной.

Город предоставляет возможность создать не только динамику массовых процессов и общую энергетику, но и центр коллективной «точки сборки», духовного чувства общности – и культурного единения людей – подобного единению на массовых концертах классической музыки в Вене. И даже забытого ныне ощущения большой семьи и комфорта, без которого человек чувствует себя «вброшенным», «заброшенным», «упавшим» в этот мир, по словам М. Хайдеггера [4, С.175–179] (если оценить не только изначально-онтологическую, но и актуально-эмоциональную составляющую этого).

В древнем мире вертикаль связи с космосом создавалась как ось шатра или очаг в центре дома [6, С.34–37]. При более широкой организации мира эта вертикаль переместилась в храмы и города, наметив перспективу высокой идеи соборности. Сегодня же огороженность города рождает внутреннюю отгороженность: парадоксально, что люди в городе одиноки. Даже наедине с природой человек не столь одинок, поскольку в ней ощущается потерянная цивилизацией вертикаль связи с Космосом. В западном же городе-крепости люди отчуждены от космического смысла его существования, и за духовностью склонны отправляться на Восток, в Индию, Тибет. Однако духовность в разных частях мира неслучайно находила свои формы выражения в согласии со своим природным и культурным фоном, создавая города, настроенные именно на свою духовную волну. В каждом городе, где развивается высокое искусство и серьезная

наука, есть прикосновение к духовной вертикали. Это намечает сверхзадачу – создавать вертикаль города-храма из разных духовных волн, в противовес захватившей мир глобализационной унификации.

При сравнении двух сформировавшихся моделей города на Западе и Востоке лучше видны их преимущества и недостатки. Это высокая технологичность одной при нарушении внутренней экологии и психологической угрозе разрушения души. И богатые душевно-духовные взаимосвязи другой при отстающей организационно-технической стороне. Восточная модель ближе соприкасается с глубинами архетипа города, как храма, но несколько дальше от идеи идеально функционирующего города-механизма. Синтез этих моделей мог бы обогатить их обе, но ориентация лишь на западные образцы закрывает этот путь. Тем не менее, если брать позитивный опыт из восточной модели, то нужно сменить ориентиры в развитии западной модели таким образом:

- прежде всего, максимально уменьшить регламентированность и бюрократизм повседневной жизни горожан;
- ограничить плотность и высотность застройки, заборы свести до минимума, оставляя по максимуму живые пространства-отдушины незаорганизованного пространства;
- дать свободу для участия жителей в жизни своего микрорайона и улицы, допуская неформальные модели организации местного пространства, отходящего от сгенерированного плана в высоких кабинетах, дать максимальную свободу малому бизнесу;
- ограничить техногенную насыщенность города, дать преимущественное развитие общественному транспорту – кстати, также играющего и психологически объединяющую роль;
- поддерживать и дать возможность саморазвития местных очагов культуры, типа ДК, при максимальной доступности для всего населения высоких достижений искусства (хороший пример – общедоступные массовые концерты классической музыки в Германии);
- при ограничении чрезмерного влияния массовой культуры, способствовать большему участию религиозной жизни в области государственного образования и воспитания.

Эти ориентиры не противоречат идеям архетипического идеала города. Отчасти они напоминают возврат к моделям социалистического типа, однако с минимальным участием власти в этих процессах: роль власти должна ограничиваться предоставлением возможностей. В самом социализме, в отличие от более живой восточной модели, было чрезмерное планирование и формализм (все же социализм – одно из порождений западной мысли). Но здесь возможен поиск вариантов развития, наиболее экологических и жизнеспособных. Главное, не ограничивать понимания

развития городов лишь технической стороной, а использовать также и достижения восточной системы многовековой жизни людей в духовном комфорте города-храма, сохраняющего экологию души его жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкон Ф. Новая Атлантида. М., 1962
2. Кассирер Э. Философия символических форм Т.2 Мифологическое мышление М., СПб., 2001
3. От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб., 1997
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М., Академический проект, 2011
5. Щепановская Е.М. Генезис и классификация мифологических архетипов: культурфилософский подход. Дисс... канд. филоС. наук. СПбГУ, 2011
6. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994

TRANSLIT

1. Bacon F. Novaya Atlantida. M., 1962
2. Cassirer E. Philosophia symbolicheskikh form. T.2 Mythologicheskoye myshleniye. M.-SPb., 2001
3. Ot nachala nachal. Anthologia shumerskoy poezii. SPb., 1997
4. Haidegger M. Bytiye i vremya. M., 2011
5. Shchepanovskaia E.M. Genezis i klassifikatsiya mifologicheskikh archetypov: kulturphilosophskiy podhod. Diss. kand. philos. nauk. SPbGU, 2011
6. Eliade M. Svyaschennoye i mirskoye. M., 1994